

УДК 398.4(470.433)

М. Ю. Черноярова

ОБРАЗ ЛЕСНОГО ДУХА В РУССКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ЧУВАШИИ

Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей изображения лешего в русской мифологической прозе Чувашии, сравнительной характеристике русских и чувашских лесных духов, рассмотрены основные, наиболее распространенные сюжетные мотивы, связанные с этими персонажами. Также в работе исследуются мифическая основа анализируемых образов и сюжетов, отражение в них языческих и христианских воззрений народа.

Ключевые слова: *леший, мифологические рассказы, Чувашия, специфические особенности, сравнительная характеристика, сходство, отличия.*

Актуальность исследуемой проблемы. Судьбы традиционных жанров фольклора, выяснение причин и характера их трансформации в условиях их постепенного исчезновения – проблемы, которые волнуют научную общественность на современном этапе. Наиболее трудной является задача изучения несказочной прозы русского этноса, формирование и расселение которого сопровождалось обретением специфических локальных различий в культурно-бытовой сфере. Кроме того, во многих регионах русские контактировали с проживавшими там представителями других национальностей. Поэтому необходимо продолжить исследование эпических прозаических жанров русской традиционной культуры прежде всего на уровне отдельных регионов. До настоящего времени остается важной и актуальной проблема изучения духовной культуры жителей Чувашского края. Несмотря на то что в научной литературе довольно тщательно и подробно исследованы чувашские народные обычаи и обряды, мифологические рассказы разноэтничных групп населения Чувашии изучены еще недостаточно. В связи с этим возникает необходимость в дальнейшем исследовании представлений о мифологических персонажах, в частности о духах леса, анализ которых и будет являться целью нашей работы.

Всестороннему анализу образов русских лесных духов были посвящены работы Н. А. Криничной [6], Е. Е. Левкиевской [8] и др., исследованию их региональной специфики – труды К. Е. Кореповой [5], Л. Л. Кушнareвой [7] и др. Изучением этой проблемы на материале чувашских мифологических рассказов занимались такие ученые, как Д. Мессарош [9], Г. Г. Ильина [3], [4], В. А. Ендеров [2] и др. Однако до сих пор в научной литературе не

© Черноярова М. Ю., 2017

Черноярова Марина Юрьевна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Чувашской государственной сельскохозяйственной академии, г. Чебоксары, Россия; e-mail: luciliya@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2016

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 16-14-21011 «Русская мифологическая проза населения Чувашии: региональная специфика, образы и мотивы»

существует работ, посвященных всестороннему анализу особенностей изображения персонажей леса в русских мифологических рассказах Чувашии; практически отсутствуют исследования, в которых сопоставляется их изображение в русском и чувашском фольклоре.

Материал и методика исследований. Материалом нашего исследования являлись русские и чувашские мифологические рассказы и поверья, собранные во время экспедиций студентами и преподавателями Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также тексты из архива автора публикации. Их анализ позволил определить методологические основы и концептуальные идеи работы. Методика исследования опирается на текстологический структурно-семантический анализ мифологических рассказов Чувашской Республики, выявление регионального своеобразия образов, соотнесение анализируемого фольклорного материала с архаичными представлениями и культурными традициями разноэтничных групп населения. В процессе работы применялись следующие основные методы исследования: сравнительно-типологический, сравнительно-сопоставительный. Их использование необходимо для изучения типологической общности чувашской и русской фольклорной традиции XX–XXI вв.

Результаты исследований и их обсуждение. В древние времена селения наших предков окружали непроходимые девственные леса. Они таили в себе опасность, считались «нечистыми» местами, населенными лесными духами. В настоящее время человек расширяет градостроительство, вырубая леса, все более ощущая себя хозяином жизни. В связи с изменившимися условиями существования все меньше появляется мифологических рассказов о лешем, ранее популярном персонаже сказочной прозы. Свидетельства встреч с ним в мифологической прозе русского населения Чувашии немногочисленны. В имеющихся текстах образ представлен своеобразно: в его облике причудливо сочетаются как традиционные, так и современные представления людей о духе леса.

Часто в рассказах его не называют по имени. Когда-то это было связано с существующим запретом: если упомянуть демона, то он и появится. Несмотря на это, каждый мифологический персонаж в народном представлении наделен набором определенных характеристик: специфическими функциями (злокозненными или охранительными действиями), временем активизации, атрибутикой и т. д. Все перечисленные характеристики являются индивидуальными для каждого демонологического персонажа, определяют его главные особенности. Есть такой особый набор характеристик и у лешего, который достаточно легко идентифицировать в русских мифологических рассказах Чувашии.

Традиционно лесной дух появляется в нулеморфном облике, проявляя себя с помощью голоса, смеха, шелеста листьев. В современных записях, произведенных на территории нашего региона, традиционный антропоморфный облик лешего встречается достаточно редко и, вероятно под влиянием христианства, в подобного рода рассказах воспринимается все больше как демон зла, черт. Например, он может изображаться в виде девушки или мужчины с рогами и копытами. В современных нарративах нередко сохраняются указания на его телесные аномалии, свидетельствующие о связи с нечистой силой, например хромота или горящие глаза. Поскольку в соответствии с народными представлениями в лешего превращаются заложенные покойники, огненные глаза подчеркивают его связь с потусторонним миром. Мы согласны с мнением большинства исследователей, что внешний облик духа всегда связан с его функциями: демон с горящими глазами, как правило, наносит вред человеку. В современных русских мифологических рассказах Чувашского края подчеркивается мстительность лешего, который наказывает за нарушение запрета. Однако он уже не воспринимается только как воплощение нечистой силы.

Общеизвестно, что люди с древних времен относились к лесному духу противоречно. С одной стороны, для них он был демоном, пытающимся погубить зашедших в лес путников, с другой – дружественным человеку существом, которое может прийти на помощь в трудный момент жизни. Эта противоречивость проявляется в первую очередь во внешнем облике персонажа. Иногда леший появляется в образе либо мужчины среднего возраста, либо старичка. И если к мужику, случайному прохожему относились всегда очень подозрительно, то дедушка-леший чаще всего воспринимался как покровитель-помощник, который не оставит в беде. Такое отношение к лесному духу объясняется тем, что он часто помогает человеку, опекает его. Наличие в быличках как злокозненных действий, так и попечительских функций персонажа свидетельствует о том, что к лешему всегда было двойственное отношение.

Образ незнакомого старика, которого человек встречает на своем пути, связан с архетипом предка – покровителя, который может передать знания, недоступные для непосвященных. Его появление в критический для героя былички момент свидетельствует о влиянии на сознание человека глубинных образов и форм, передающихся с помощью «коллективного бессознательного». В соответствии с этими древними представлениями в рассказах, записанных на территории нашего региона, старичок с длинной белой бородой чаще всего опекает человека или предсказывает ему судьбу.

Таким образом, очень часто в русских мифологических рассказах леший появляется в образе человека. В таком случае в облике хозяина леса подчеркивается его охранительная функция: он становится похожим на лесничего, наказывающего человека за нарушение экологического равновесия и изгоняющего его за пределы лесного пространства [12].

В отличие от общерусской традиции леший не показывается в облике таких животных, как заяц, белка, мышь. Он в основном превращается в кота, лошадь, медведя. В текстах, бытующих на территории региона, фитоморфные воплощения лешего достаточно редки. Обычно он оборачивается в ель, сосну, осину или живет на верхушке этих деревьев. В русских мифологических рассказах Чувашии отсутствует традиционный мотив превращения лешего в вихрь или ветер. В чувашских быличках, напротив, лесной дух обладает способностью повелевать стихиями.

Таким образом, в современных мифологических рассказах актуализируются не только представления о лешем как о демоне зла, заводящем путников в лесную чащобу, он воспринимается и как доброжелательное существо и в таком случае показывается в образе старичка, помогающего человеку или наказывающего его за нарушение запрета, охраняющего лес от уничтожения.

Недовольные разрушением природного мира рассказчики надеются на наказание виновных, которое должен осуществить леший. Однако даже он порой оказывается бессилен перед человеческой экспансией и разрушением экосистемы. Например, леший не может разогнать толпу туристов, которая разжигает в лесу костры, и, недовольный этим, все-таки уходит. В одном из мифологических рассказов он даже превращается в обыкновенного соседа-старичка, который не в силах противостоять самоуправству человека: «Роща наша раньше тоже чистая была, красивая. Обыкновенный лес был. Мужик у меня знакомый был, постоянно все время в роще проводил. Только и делал, что гулял по тропинкам. Тем более он рядом в доме с рощей жил. Ну, вот он захворал как-то. Прихожу к нему навестить, лекарства какие-то принести, помочь чем-то. Он мне-то и рассказал: “Погибает, – говорит, – лес наш, не любят его жители, изгоняют духа леса”. Ну, тогда старику ничем врачи-то помочь не смогли – схоронили мы его. И роща теперь грязная вся, будто связан был мужик с

лесом нашим, будто без него нет в роще духа лесного. Мусорят дети наши, молодежь особенно, совсем не жалеют» (записано в 2010 г. Е. В. Яковлевой от Анастасии Васильевны Кулешовой, 1935 г. р., в г. Новочебоксарске (МФФ КРЯиЛ)). Основной мыслью рассказа является указание на забвение сакральных знаний, которое может привести к настоящей трагедии: «По-видимому, быличка призвана поддержать природный инстинкт самосохранения, который утрачивает современный человек, считающий, что он приобрел неограниченную власть над природой. Бережное обращение со средой обитания предохраняет людей от вредоносного вторжения в их жизнь» [1, с. 108]. В анализируемом тексте человек вторгается во владения лешего, что приводит к его гибели, так как мифологический персонаж является символическим воплощением рощи.

Таким образом, мы можем констатировать, что иногда современный образ лешего «снижен»: он все больше напоминает человека. Это можно объяснить демифологизацией персонажа: вера в него постепенно редуцируется, а круг мотивов, связанных с лесным духом, сужается.

В чувашской фольклорной традиции в изображении персонажа преобладает много архаических черт, сохранившихся до сегодняшнего дня. В большей степени, чем в русском фольклоре, подчеркивается связь лешего с покойниками, очень редко он появляется в образе старика. «Говорят, что леший – это непохороненный покойник. Если он умирает, то и после смерти ходит, пугая всех своим криком» [10, с. 278]. В чувашской быличке подробно описывается появление леших: это убитые и непохороненные люди и младенцы, родившиеся вне брака и оставленные матерью в лесу. Устойчивым в этой группе текстов является следующий мотив: чтобы успокоить душу мертвеца, надо захоронить его: «Лешие ночью пугают людей в лесу. Бесятся, смеются, страшно кричат. Лешими становятся умершие, но не похороненные люди. В Малокарачурином лесу раньше ходил один пожилой человек, ставший Лешим. Много людей он напугал до смерти. Однажды он подошел к человеку совсем близко. И велел ему похоронить скелет старика. Потом отпустил его домой живым и невредимым. С тех пор, как кости были похоронены, Лешего в лесу больше не видели» [10, с. 279].

Представление о происхождении лешего от заложных покойников нашло отражение и в поэме «Леший» известного чувашского писателя М. Ф. Федорова. Источниками произведения стали чувашские народные мифологические рассказы, записанные автором произведения [11]. Главный герой поэмы дядя Хведер вспоминает рассказы стариков о том, что лешим стал покойный Эндри, погибший в лесу под колесами тарантаса богача Ягура. В отличие от русских, в чувашских мифологических рассказах леший часто появляется в образе ребенка, что и объясняется его происхождением: «Лешие происходят от закопанных в земле девушками детей. Он всегда из одного места выходит. Этого места все боятся. Сначала Леший маленький, размером с кулачок (в образе кошки или собаки). Постепенно он растет и становится со стог сена» [10, с. 281]. «Однажды до восхода солнца пошли на дальнее поле за горохом. К этому месту подбежал маленький ребенок.

– Брат Митрак, брат Митрак (человека звали Дмитрием), мешок дай-ка, мешок дай-ка, – говорит ребенок.

Этот человек взял лопату и погнал его. Тот убежал в лес Куканар. В лесу стояли скрип и треск. Тот ребенок Лешим был, приходил горох есть» [10, с. 282].

Общим для двух фольклорных традиций является частотность изображения демона в нулеморфном облике, его акустические проявления.

Русский дух леса совершает злокозненные действия по отношению к человеку (в 50 % текстов), однако последний в большинстве случаев может достойно противостоять мифологическому персонажу.

В современных рассказах подчеркивается охранительная функция демонологического существа: он наказывает человека за безнравственное поведение и нарушение эко-системы.

Распространены на территории Чувашии и мифологические рассказы, в которых леший играет роль попечителя человека. Он может наделять удачей или богатством, реже – способностью предвещать судьбу.

Самым распространенным сюжетом традиционно является рассказ о том, как «леший водит человека». «В большинстве мифологических рассказов он не обозначен повествователем как персонаж, а указывается локус, заколдованное место, где “водит”. Человек, по рассказам, находясь в незнакомом лесу, не может найти дорогу домой, выйти из леса, ходит по кругу в одном и том же месте, пока кто-нибудь не поможет ему» [7, с. 93]. Подобный мотив распространен и в чувашском фольклоре. Отличие состоит в том, что в чувашских быличках в большей степени распространены сюжеты о том, как леший пугает человека.

Практически отсутствуют в современных рассказах такие распространенные в прошлом мотивы, как похищение лешим детей, наведение порчи, болезней, вызывание стихий. Практически не встречаются тексты об умерщвлении лешим человека, об умении лешего управлять стадом и воздействовать на животных. Отсутствие этих мотивов свидетельствует о десакрализации персонажа, утрате веры в его магическую силу.

Нет в русской мифологической прозе Чувашского края рассказов о семье лешего, столь распространенных на территории Русского Севера. Не часто встречаются и былички, в которых рассказывается о хозяйственной деятельности лешего. В Нижегородском крае такого рода былички также полностью отсутствуют: «Отсутствие их можно объяснить тем, что здесь не принято пасти скот в лесу и пастушеская обрядность менее развита, а скотоводческая магия носит “домашний” характер» [5].

Достаточно редко встречается сюжетный мотив о встрече путника с демоном на особой тропе лешего, распространенный, например, в Забайкалье. На обследуемой территории отсутствуют сюжеты о том, как леший насылает видения.

Чувашский лесной дух более агрессивен и опасен. Рассказчики свидетельствуют о каннибализме лешего, он может защекотать до смерти, вырвать зубы, заниматься рукоприкладством. «Леший произошел от ребенка, рожденного незамужней девушкой. Как только девочка родилась, ее отнесли в лес и, не погребая, бросили, она вскоре стала Лешим. Леший, увидев людей, специально идет к краю леса. И кричит голосом проходящего мимо человека или голосом его знакомого. Тогда человек ему навстречу идет. Леший начинает щекотать человека, тот умирает, и он его съедает» [10, с. 291]. Лесной дух в чувашском фольклоре представлен в различных вариациях: Екете, Упате, Арсюри. Упате отличается особой жестокостью: он может проклясть целую деревню, уничтожить ее. Чаще всего в чувашском фольклоре происходит отождествление заложного покойника и лешего. Например, леший отнимает у человека жизненную силу и поедает его.

В чувашской фольклорной традиции леший тоже воспринимается двояко. С одной стороны, лесной дух – опасный демон, который может убить человека или нанести ему вред. Рассказчики убеждают слушателей в том, что все это было когда-то, в старые времена. В современных текстах очень часто встреча с лешим, видимо под влиянием христианских воззрений, объясняется греховностью людей, которые оставляли в лесу беззащитных стариков или губили нежеланных детей. За это лесные духи мстили всем окружающим.

Однако очень часто леший становится другом человека, его кумом, помогает присматривать за детьми, убирать урожай. Приняв крещение, он может вновь стать человеком и жить среди людей. Эти мотивы свидетельствуют о десакрализации персонажа, частичной утрате веры в его могущество и силу.

В этой связи в чувашских мифологических рассказах появляются сказочные мотивы: человек торжествует над лешим, может поймать его и наказать. Поэтому очень часто в лес он отправляется с палкой или хлыстом, а не использует традиционные отгонные средства. В чувашском фольклоре, как и в русском, лесной дух постепенно перестает восприниматься как вездесущее страшное существо: «Давным-давно Леший был хозяином лугов. Он животных из стада ел. Пастухов до смерти щекотал. Однажды Леший подошел к одному пастуху и начал дразнить. Пастух не испугался: у него был хлыст. Он взял хлыст и ударил Лешего! Леший, не вытерпев боли, убежал обратно. После того Лешие, прежде чем подойти к пастуху, спрашивали: “Есть чуваша? Есть чуваша?” Если слышали “есть”, старались подальше отойти. Но всегда помнили об ударах хлыста» [10, с. 288–289]. В быличках подчеркивается мысль о том, что чуваша не боятся лесного духа и могут изгнать его или уничтожить. Например, они так напугали лешего, что он боится им и на глаза показываться:

«Леший хотел зайти в деревню, но не мог. Сначала спрашивает:

– Хрю-хрю есть? – спрашивает. – Есть ли гармонь?

Если есть, радуется.

– Гав-гав есть? – спрашивает (зовет кошку или собаку).

Если нет, то радуется, если есть, стоит на месте.

– Нет, – ответили ему.

– Чуваша есть? – спрашивает.

Скажут, что нет, смеется: “Ха-ха!” – никуда не идет» [10, с. 292–293].

В мифологических рассказах присутствует мысль о силе и могуществе чувашского народа, способного противостоять демону, олицетворяющему зло. О распространенности подобных сюжетов свидетельствует и текст, записанный на территории Татарстана: «Однажды к краю леса, где жил Леший, подошли воры. Они спросили у Лешего, какой народ там живет. Леший вспоминает, как его хлыстом избили, и отвечает: “Чуваша, чуваша”. С тех пор народ, живущий в той местности, стали называть чувашами» [10, с. 288–289].

В чувашских быличках подробно описаны способы поимки лесного духа, самый распространенный – использование смолы, которой мажут лошадь (любимым занятием чувашского лешего является катание на лошади): «В давние времена лошадей пускали в ближайший к деревне лес, Меметер. У Семена лошадь каждое утро приходила вся в поту. Хозяин лошади думал: “Почему моя лошадь всегда потеет? Что же делать?” Однажды он намазал лошадь дегтем. Поутру лошадь вернулась, а на ней Леший сидит. “Ай, Семен, посмешищем я стал для всякой деревни. Рука освободится, зад липнет, зад освободится, рука липнет”. Несколько раз так сказал, обежал деревню, вернулся. Семен взял в руки палку и три раза ударил. Леший еле-еле смог убежать. После этого Леший к лошадям не подходил» [10, с. 294].

Таким образом, в процессе эволюции представлений человека о лесном духе последний перестает восприниматься как вездесущий и опасный демон, от которого нет спасения.

Резюме. И в русских, и в чувашских быличках и поверьях на изображение мифологического персонажа оказывает влияние стереоскопичность народного взгляда на мир – синтез исторического и мифологического типов сознания. С одной стороны, на восприятие лесного духа воздействует рациональный взгляд на мир – отсюда стремление к его

демифологизации и его превращение в старика, помогающего человеку. В подобного рода рассказах удивительное преобладает над страшным. С другой стороны, ошутимо и влияние подсознания, в котором сохраняются в реликтовом виде мифологические представления. В этом случае леший воспринимается в большей степени как первопредок или демон зла, бывший когда-то заложным покойником, что позволяет сохранить за ним черты, подчеркивающие его инаковость, то есть связь с потусторонним миром.

Почему в современных мифологических рассказах актуализируются древнейшие представления о лесном духе как о первопредке? «Актуальность жанра обусловлена всплеском суеверного сознания в целом, что обычно для кризисных эпох в жизни общества свидетельствует о неблагополучии, шаткости человека в мире, где он ощущает себя окруженным необъяснимыми, зачастую представляющимися враждебными силами и существами. И хотя современное мифологическое сознание отличается от традиционного мировоззрения крестьян – целостного, синкретичного, воспринимающего мир во всех его проявлениях, ощущающего взаимозависимость человека и природы, – оно сохраняет суеверие» [1, с. 188]. В этом удивительном, непознанном до конца мире человек, потерявший ориентиры, нарушающий вековые запреты, все больше ощущает потребность в поддержке и возвращении к восприятию мира как единого целого, к его первоначальному состоянию первопредметов и перводействий. Все эти представления получают репрезентацию в фольклорных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.). – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – 251 с.
2. Ендеров В. А. Проблемы классификации демонологических персонажей : учебное пособие. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 96 с.
3. Ильина Г. Г. Несказочная проза в системе жанров чувашского фольклора : дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2006. – 224 с.
4. Ильина Г. Г. Проблемы атрибуции демонологической номенклатуры в фольклоре (на примере персонажей леса) // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Казань, 2009. – С. 205–207.
5. Корепова К. Е. Егорьев день и первый выгон скота в нижегородской календарной обрядности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». – 2006. – Вып. 1. – С. 116–121.
6. Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов : в 3 т. Т. 1 : Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-хозяевах. – СПб. : Наука, 2001. – 580 с.
7. Кушнарева Л. Л. Христианские и мифологические сюжеты в несказочной фольклорной прозе старообрядцев (семейских) Забайкалья (конец XX – начало XXI веков) : дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 240 с.
8. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. – М. : Астрель, 2000. – 526 с.
9. Мессарош Д. Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – 360 с.
10. Мифы, легенды, предания. – Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 2004. – 567 с.
11. Федоров М. Ф. Леший : поэма / пер. А. С. Смолина, М. Ф. Федорова. – Чебоксары : ЧГИГН, 2000. – 40 с.
12. Черноярлова М. Ю. Портретная характеристика лесного духа в мифологической прозе чувашского края // Наука и образование в современном мире : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Караганда, 2014. – С. 206–208.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

МФФ КРЯиЛ – материалы фольклорного фонда кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова.

WOOD SPIRIT IN RUSSIAN MYTHICAL NARRATIVES OF CHUVASHIA

Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes the specific features of the image of the wood spirit in the Russian prose of Chuvashia, the comparative characteristic of the Russian and Chuvash wood spirits, considers the most common narrative plots associated with these characters. The paper also deals with the mythical basis of the analyzed images and plots and their relation to the pagan and Christian beliefs of the people.

Keywords: *wood spirit, mythical narratives, Chuvashia, specific features, comparative characteristic, similarities, differences.*

REFERENCES

1. *Golovanov I. A.* Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoj narodnoj proze Urala (HH–HHI vv.). – Cheljabinsk : Jenciklopedija, 2009. – 251 s.
2. *Enderov V. A.* Problemy klassifikacii demonologicheskikh personazhej : uchebnoe posobie. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2002. – 96 s.
3. *Il'ina G. G.* Neskazochnaja proza v sisteme zhanrov chuvashskogo fol'klora : dis. ... kand. filol. nauk. – Cheboksary, 2006. – 224 s.
4. *Il'ina G. G.* Problemy atribucii demonologicheskoy nomenklatury v fol'klоре (na primere personazhej lesa) // Aktual'nye problemy sovremennoj fol'kloristiki. – Kazan', 2009. – S. 205–207.
5. *Korepova K. E.* Egor'ev den' i pervyj vygon skota v nizhegorodskoj kalendarnoj obrjadnosti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija «Filologija». – 2006. – Vyp. 1. – S. 116–121.
6. *Krinichnaja N. A.* Russkaja narodnaja mifologicheskaja proza: istoki i polisemantizm obrazov : v 3 t. T. 1 : Bylichki, byval'shhiny, legendy, pover'ja o duhah-hozjaevah. – SPb. : Nauka, 2001. – 580 s.
7. *Kushnareva L. L.* Hristianskie i mifologicheskie sjuzhety v neskazochnoj fol'klornoj proze staroobradcev (semejskih) Zabajkal'ja (konec HH – nachalo HHI vekov) : dis. ... kand. filol. nauk. – Ulan-Udje, 2004. – 240 s.
8. *Levkievskaja E. E.* Mify russkogo naroda. – M. : Astrel', 2000. – 526 s.
9. *Messarosh D.* Pamjatniki staroj chuvashskoj very. – Cheboksary : ChGIGN, 2000. – 360 s.
10. *Mify*, legendy, predanija. – Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 2004. – 567 s.
11. *Fedorov M. F.* Leshij : pojema / per. A. S. Smolina, M. F. Fedorova. – Cheboksary : ChGIGN, 2000. – 40 s.
12. *Chernoyarova M. Ju.* Portretnaja harakteristika lesnogo duha v mifologicheskoy proze chuvashskogo kraja // Nauka i obrazovanie v sovremennom mire : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Karaganda, 2014. – S. 206–208.

ISTOCHNIKI I MATERIALY

MFF KRJaiL – materialy fol'klornogo fonda kafedry russkogo jazyka i literatury Chuvashskogo gosudarstvennogo univesiteta imeni I. N. Ul'janova.

© Chernoyarova M. Yu., 2017

Chernoyarova, Marina Yuryevna – Senior Lecturer, Department of General Educational Disciplines, Chuvash State Agricultural Academy, Cheboksary, Russia; e-mail: luciliya@rambler.ru

The article was contributed on December 13, 2016